

На лыжах — в Великий Устюг

Группа школьников из Котласа (Архангельская область) решила за один день добраться на лыжах по берегу Северной Двины до Великого Устюга (Вологодская область).

(Окончание. Начало в «КП» №24 от 5 марта)

Дорога снова начала спускаться с коренного берега в пойму Двины. Идти стало легче — мы обходили наметённые сугробы и быстро катились по свободным участкам дороги.

Вот и пригород города Красавина, правая часть которого упиралась в высокий, заросший деревьями берег Двины. Вверху, словно на длинном горном хребте, виднелись дома. Не могу не коснуться истории. Название «Красавино» происходит от слов «красота», «красивое место». Действительно, город расположен на поросших лесом холмах в пойме Двины. За особую красоту тамошней природы его называют северной Швейцарией. В 1842 году обрусевший немец Пётр Люрс построил здесь льнопрядильную ткацкую фабрику с английским оборудованием. В 1851 году начали выпускать льняные ткани. Фабрика стала первой в Российской империи, где было налажено их производство. Продукцию фабрики покупали во многих странах мира. В то время в Красавине появились электри-

В начале третьего вышли из столовой и немного прошли пешком. Снова захотелось пить, — наверное, от слишком солёных котлет. На углу улиц встретили лавку местного сельпо с названием «Пиво — воды». Внутри — длинный прилавок с пивными кружками, за ним — необычный продавец с длинной седой бородой. «Ребята, — вымолвил старец, — пива не привезли, но есть свежая бражка». Мы переглянулись. «Это лёгкое деревенское пиво», — пояснил бражник. Мы поняли, что он сам и готовил бражку. «Лёгкое пиво» оказалось довольно крепким, но утолило послеобеденную жажду. По телу разлилась теплота. Мы надели лыжи и полные сил двинулись дальше.

Солнце быстро спускалось к горизонту и становилось прохладнее. Наверху коренного берега от заходящего солнца ярко и сказочно светились окна домов. «Не напрасно Красавино называют «северной Швейцарией», — вспомнил я. Тем временем все почувствовали, что силы оставляют нас и ноги тяжелеют. «Это начала действовать бражка, — подумал я. — Какую грубую ошибку

Было приятно, что просьба девчат выполнена.

Тем временем солнце уже скрылось и стало быстро темнеть. Силы медленно возвращались, и мы ускорили свой ход. Вместе с этим крепчал и мороз. Дорога не освещалась. Неожиданно слева появился высоко подвешенный фонарь. Да, это поворот к Дому отдыха «Бобровниково» на высоком берегу Двины. Фонарь осветил и натянутый между соснами транспарант «Добро пожаловать». Но мы поехали прямо. До Великого Устюга оставалось 12 километров, а времени уже восемь часов вечера и совсем темно. Снова проявилась усталость. Мы шли сквозь высокий лес, можно сказать, шагом, громко стуча палками. Такую безлюдную дорогу на Руси называют «волоком». В темноте мы часто съезжали за её обочину, глубоко проваливаясь в свежий снег, иногда падали от усталости. Вставали и снова шли, несмотря на жгучий холод. Наконец, волок кончился и перед нами, как показалось, совсем близко, горели тысячи ярких и слабых огней Великого Устюга! Эта картина прибавила нам немного сил. Но дорога повернула сначала налево и, сделав полукруг, стала спускаться вниз, как мы догадались, в пойму речки Стриги, первого притока

«Я не хочу», — сообщил он. «Мне тоже не надо», — одновременно сказали я и Алик. Боря раздал поровну оставшуюся провизию промолчавшим. В тишине некоторое время раздавался хруст затвердевшей сдобы. «Пойдёмте, а то замёрзнем», — попросил я. Алик пошёл первым. Дорога снова делала большой полукруг и подходила к начинавшему по-

ре мы за Аликом свернули направо и подошли к дому его тётки. В окнах горел свет — нас ждали! Алик постучал. «Тётя Аня, — ответил он на вопрос, — это я, Алик, с друзьями школьными». «Ждём, ждём, входите, — приветливо сказала Анна Ивановна, — а я только из церкви, Рождество Христово наступает, радость-то какая!» «Да, что-то вы задержа-

Великий Устюг. Вид с реки Сухоны.

логому подъёму в город. Вдали наверху светился фонарь. Подниматься в гору на лыжах стало трудно. Все, кроме Бориса, сняли их. Обледеневший и скользкий подъём преодолевали на коленях. Слева, на всём видимом расстоянии, чернели кресты старого кладбища. Двигаясь на коленях, мы безмолвно отдавали поклонны его вечным обитателям. Казалось, подъёму нет конца. Но вот Борис уже дошёл до верха и стал ожидать нас. Мы с большим трудом поднимались на ноги. Шаркающая ими по обледеневшему снегу, двигались наверх. Наверху стало легче — дорога, хотя и слабо, но всё же была освещена. Лыжи и палки несли в руках. «Алик, где же дом твоей тётки?» — спросил Борис. «Да мы уже рядом, перейдём Земляной мост, а там совсем близко!» — громко ответил Алик. Я посмотрел на часы. С ужасом увидел, что они показывали двенадцать! Из ле-

лись, до службы ждала, — добавила она. — Даже пригласила подружку встретить вас. Вижу: замёрзли. Проходите, раздевайтесь, мойте руки и за чай горячий с нашей стряпнёй». «Спасибо большое, извините нас», — ответили мы почти хором. Большой стол был заставлен тарелками с пирогами и плюшками, в середине стоял большой старинный самовар с заварочным чайником наверху. «Пейте чай с пирогами. «Чай-то скусной, горечий», — обычно так угощал мой дедушка, царство ему небесное», — на старом вологодском говоре мастерски произнесла тётя Анна.

Чай из самовара с вкусной выпечкой окончательно разморил нас. Хотелось только спать. Я, два Анатолия и Леонид, как самые замёрзшие, залезли на тёплую лежанку большой русской печи. Алика тётя положила на диван, Мишке с Борисом постелили на полу. После такой длинной доро-

Котлас. Улица, на которой расположена наша школа.

чество, телефон и синематограф. После Октября 1917 года фабрика стала называться льнокомбинатом. Впоследствии его изделия получили первый приз на Всемирной выставке в Брюсселе — золотую медаль. В Великую Отечественную войну на фронт ушли почти все мужчины, больше половины их погибло в боях. Оставшиеся женщины дали фронту 19 миллионов метров специальных тканей.

Дорога уже называлась Советским проспектом, и вскоре справа мы увидели корпуса льнокомбината, а слева — одноэтажное здание столовой. Мы с радостью свернули с проспекта и зашли в неё, оставив лыжи в раздевалке. После плотного обеда решили передохнуть. Сидя за столом, обменялись мнениями о пройденном пути. Конечно, все устали, особенно в борьбе с метелью и снежными заносами. Сожалели, что не взяли с собой питьевой воды. Но никто не раскаивался, что пошёл в поход. Красоту двинской природы можно было увидеть только пройдя по этим местам!

совершили мы, отведав «лёгкого пива»! «Действие даже слабого алкоголя губительно для спортсмена», — вспомнил плакат на нашем стадионе. Усиливающийся мороз и выпитая бражка замедлили наше движение.

Пакет в кармане напомнил о просьбе девчат. Дорога шла уже через лес среди высоких берёз и сосен. Алик, обладавший высокой остротой зрения, взялся за поиск подходящего дерева. Вот он увидел сосну, которая на высоте около трёх метров раздваивалась на два ствола. Алик быстро сошёл с дороги и подъехал к дереву. «Здесь есть прекрасная щель, — крикнул он. — Подойдите ко мне!» Мы быстро оказались у сосны. «Мне нужна помощь», — продолжил Алик. Я подал ему пакет. Самые сильные из нас Борис и Леонид, сняв лыжи, создали живую лестницу к щели. Пакет был надёжно спрятан. «Намотайте себе на ус, — сказал Алик, — для выемки пакета будет нужен острый нож. Все слышали?» «Спасибо за работу и заботу, старина!» — громко ответили мы.

ка Двины, после её образования от слияния рек Сухоны и Юга. Огни города стали удаляться. Мы уже еле шли по равнине в полной темноте. Как назло, на небе едва мерцала дуга растущего месяца. Слева показалось одинокое строение, похожее на старый амбар. Идущий первым Борис свернул и привалился к его дощатой стене. Все молча последовали его примеру. Здесь, казалось, было теплее. «Ребята, простите меня, но в рюкзаке что-то ещё есть, — тихо промолвил Борис, — я сейчас достану». «Не тяни», — возмутился Алик. Борис тем временем порылся в рюкзаке и достал две булочки-сдобы, оставшийся в коробочке витамин-

ного переулка вышла группа женщин и стала удаляться от нас по проспекту. «Наверное, из храма, сегодня же ночная служба под Рождество», — подумал я. Вско-

ги все сразу заснули. Позднее я понял, что только русская печь спасла меня от простуды.

Рудольф ТЮКАВИН
Фото из архива автора

Берег реки Сухоны у Великого Устюга.